

НЫНЕШНЯЯ выставка Ильи Сергеевича Глазунова приурочена к его шестидесятилетию. Но юбилей едва ли повлияет на обычное положение вещей, когда стены Манежа обжимаются терпеливой очередью, а искусствоведы, и не только они, с разной долей убедительности стремятся объяснить этот феномен.

Вот и новая работа художника, «Великий эксперимент», конечно же, вызовет разные толки. И все пребудет на своих местах, выверенных десятилетиями: тех, кто отвергает Глазунова, новое творение ни в чем не убедит, поклонники же останутся верны ему в любом случае. Сам же Илья Сергеевич на встречах со зрителями бросит свой неизменный козырь: «Когда залы пусты — это провал»...

Он любит говорить афоризмами, говорить ярко, эпатажно, держа в памяти историко-литературную, порой неотразимую, аргументацию, кажется, на все случаи жизни. Жизненное кредо Глазунова, его художественные симпатии и антипатии хорошо известны, тем более, что у всех на памяти предвыборные теледебаты, которые художник, баллотировавшийся в парламент России, окрашивал в чрезвычайно эмоциональные тона. Он конкретен в своих ответах журналистам, и ему несвойственна та уклончивость, про которую в народе говорят не без ехидства: «Ему про Фому, он про Ерему». Так что портрет Глазунова достаточно ясен. Стоит ли повторяться? Или последовать совету самого художника: «Поговорите лучше с ребятами»? Ибо его слова или слова любого другого,

Перечень этих имен, помимо всяких рассуждений, говорит о том, что в этих стенах утверждалось русское реалистическое искусство. Здесь поднялось знамя передвижничества, сделавшее художника не богом, а гражданином.

Именно то, что, по утверждению Репина, «жизнь веяло» от этой школы, вмещало ее в смертный грех. В момент революционного слома она оказалась недостаточно революционной. Казалось бы, поборникам модернистских течений взять да найти собственную крышу. Но время требовало разрушения «до основания». И полетели из окон гипсы, на которых учились рисовать. И вытолкнули за дверь старого Апполинария Васнецова, который учил рисовать...

Глазунов не первый, кто задумался о возрождении Школы, но трудность задачи

мья живописи, аяания и зодчества, словно подхватив эстафету от своей далекой предшественницы, открыла те же старые двери для молодых талантов. Сама дата открытия да и число принятых в Академию — тридцать человек, как бы согретым одним священным огнем искусства, возгоревшимся на старом пепелище, — заставляет вспомнить пушкинский Лицей, и содружество, и вольность, и талантливость, и горячее желание служить Отечеству... Дай Бог! Хоть Глазуновские «лицейцы» на царскосельских едва ли похожи. Самому молодому — семнадцать, самому старшему — тридцать. Из разных концов России, и, как сговорились, чуть ли не половина — волгари. Многие закончили средние художественные заведения в глубинках, что лишний раз говорит о том благе, что являет собой раннее наставничество в искусстве.

преданы забвению, стараются использовать ее для нынешнего творческого поколенья.

НАУЧИТЬ художника рисовать! Противоречивость этой фразы лишь кажущаяся. Какому усекновению подвергает творческий порыв отсутствие рисовальной выучки! И никакой слой краски, никакие «концепции» не могут скрыть бессилия перед линией. Так, значит, снова гипсы? Осмеянные, ошельманованные, муштрованные когда-то руку Брюллова и Иванова, чтобы дать ей возможность дотянуться до совершенства.

Но под словом «школа» академики разумеют гораздо большее, нежели многочисленные студии эллинских богов по всем правилам, как говорил Глазунов, «нашего учителя Павла Петровича Чистякова». Наверное, их школа — это привитие того русского патристического элемента, который, укрепившись и трансформируясь согласно индивидуальности каждого, должен проявить себя в будущих творческих дерзаниях.

Нацел на это у Глазунова совершенно определенный. Он пригласил отца Павла читать ребятам лекции по истории русской духовной культуры. За все годы Советской власти впервые этот предмет является обязательным в программе художественного вуза.

Ребята рассказывают, что и сами не ожидали от себя такого энтузиазма, с которым принялись за древнерусский. Быть может, пройдет совсем немного времени, и летописный свиток и федоровский фолиант уже не будут казаться им написанными «на языке страны чуждой». Как не будут чужими те распевы, не познав гармонии которых не понять русскую икону, само Православие, ибо этот строй звуков «есть молитва души, язык, на котором ведется беседа человека с Богом»... Потому так естественно вошли в учебное расписание Академии уроки духовной музыки. Но начальным, мощным, незабываемым аккордом, с которого все началось, стала Киевская Лавра...

Глазунов увез их туда уже на следующий день после начала занятий в Академии. Там ребятам вручали студенческие билеты с изображением Георгия Победоносца. Там окупились они, дети расхристанного времени, в особый, сохранивший печать высокой духовности мир. Эти впечатления выплеснулись потом на полотна, составившие основную часть первой их выставки, открытой в стенах Академии.

После Киева — семестр учебы, и вот теперь первая академическая практика.

«Господа, через два дня вы уезжаете в Санкт-Петербург. Что предстоит? Пройдете курс пластической анатомии. Лекции по истории архитектуры Ленинграда обязательны. В Духовной семинарии — Ветхий Завет. В Эрмитаже искусствоведы будут слушать лекции, а с утра до пуска посетителей ребята — заниматься копийной практикой. Для скульпторов договорились с Музеем слепков Академии художеств».

«Господа» собрались в большом зале и слушают ректора внимательно. Информация о практике — лишь вкрапление в двухчасовую лекцию. О чем? О сложностях нашего мира и нашего бытия, о России, в которой всегда умели сеять хлеб, ставить величественные здания и рисовать картины. А сейчас с этим туго. Глазунов мечтает стирать галерею Академии в Париже, где можно было бы и выставлять, и продавать работы студентов. Это встречается аудиторией с энтузиазмом, потому что стипендия в сорок рублей диктует весьма суровый образ жизни.

«Вы должны работать только «под себя», но ориентируясь на великие образцы. Итак, тема первая — Петр Великий. Вспомните, каким он был тружеником. Вторая — «Бунт передвижников». Учитите, чтобы нарисовать бунт, надо уметь нарисовать руки... Третья — Достоевский, его Петербург. Четвертая — Пушкин. Это наше все. Не изображайте только, пожалуйста, кудрявого мальчика. И ваша собственная тема — «Мой Петербург». Чувствуйте себя сильными и абсолютно свободными»...

Ленинградская практика включает в себя Новгород, Изборск, Печоры. Осенью — Италия. А впереди еще пять лет упорной, серьезной учебы.

Новая школа художников... Что принесет она нашему искусству? Сегодня в этих одаренных юношах и девушках еще не распознать носителей того редкого божественного огня, коих не бывает много. Но все-таки больше — там, где верят в необходимость прекрасного.

Вот обо всем этом и хотелось прежде всего рассказать в юбилейные дни Ильи Сергеевича Глазунова.

Л. ТРЕТЬЯКОВА

На снимке: мастер и молодые.
Фото Р. ПОДЭРНИ

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ

ШТРИХИ К ЗНАКОМОМУ ПОРТРЕТУ

Наверное, Глазунов рисковал, презрев каноническую форму приема в художественный вуз. Ребята просто приносили свои старые работы, расставляли их вдоль стен, а ректор со своим другом и помощником Петром Петровичем Литвинским ходили вдоль этого пестрого ряда и смотрели. Из двух тысяч отобрали восемьсот. Наверное, можно было попасться на удочку молодым ловкачам, но дальше шло собеседование, и вот здесь, теперь об этом можно говорить уверенно, проскочить оказалось невозможным. После собеседования осталось тридцать...

Впрочем, добываясь в министерских инстанциях права на составление собственных академических программ, их изменение по мере необходимости, Глазунов оставил за собой право отчислять до половины учащихся, если окажется, что мера отпущенного им дара не позволяет справиться с чрезвычайно насыщенной программой и теми жесткими требованиями, которых не осилить без особых черт характера и дьявольской работоспособности.

Не будем торопиться с оценкой одаренности — время, а точнее, работы покажут, но вот какая-то повальная, легко ощущаемая даже посторонним человеком влюбленность в учебу, отказы от канкулов, сидение под баженовской крышей до последнего поезда с «Кировской», цепкие, любопытные, без тоскливой пазюльки глаза — признаюсь — это не только обнадеживает. Это действует покоряюще. «Здесь учиться — счастье». Сказано как бы между прочим, скороговоркой, с мелодой бозянько высокопарности, но — сказано...

Алексей Карачарков уже дипломированный скульптор, член союза. Зачем пришел учиться? «Хочу пройти настоящую школу». Саша Фадеев из Мордовии пришел сюда сдавать экзамены, уже будучи зачисленным в Суриковское. Причина та же: «Ребята говорили, что здесь хорошо учат. Предметы такие, каких нигде нет». Натаску Царькову доктора отправили с занятиями: перетрудила глаза. А это уже сказал один из преподавателей с усмешкой, но уважительной: в одиннадцать часов вечера он у выхода столкнулся с Димой Королевым, который несся обратно: «Вспомнил, — говорит, — где была ошибка в рисунке»...

Что это за «школа», в необходимость которой верит не только сам Глазунов, но и эта молодежь?

Здесь нет секрета, и Илья Сергеевич настоятельно подчеркивает, что он и его сподвижники ничего нового не открывают. Просто они сами, как терпеливые и почтительные ученики, изучив старую «классическую» методику воспитания художника, чем славилась отечественная изобразительная школа, традиции которой были

самые умные, эффектные и неожиданные, — это только слова, избыток которых ощущается как наваждение, не дающее вплотную подступиться ни к чему жизненно необходимому. Наша обща осатаненность от слов подошла к той критической точке, когда в возможность конкретного дела уже и не верится. И все же: «ребята» — они и есть «дело»...

В ОДНОМ из своих интервью Илья Сергеевич с огорчением заметил, что открытие в Москве Российской академии живописи, ваяния и зодчества прешло практически незамеченным. Упрек справедливый. Тем более, что в столице порой широковещательно и с помпой отмечаются события, не имеющие никакого серьезного значения для культурной жизни Москвы, а тем более России.

Единственным оправданием общей безучастности к тому, что происходило в некогда прекрасном баженовском особняке на бывшей Мясницкой, а ныне улице Кирова, осенью прошлого года, является то обстоятельство, что о знаменитой школе художников, когда-то в нем размещавшейся, сегодня прочно забылось. О том, что она стояла в ряду таких московских культурных очагов, как Большой и Малый, Консерватория, Третьяковка, нынешнему поколению неизвестно. Так о чем жалеть? И чье возрождение чествовать?

Если все случится так, как задумал Глазунов, появляясь на фронтоне здания мемориальные плиты с именами людей, чьи биографии так или иначе были связаны с этим центром художественной жизни Москвы. Тут В. Перов, В. Пукирев, И. Прянишников, И. Шишкин, В. Маковский, К. Савицкий, В. Полenov, И. Левитан, С. и К. Коровины, В. Серов, А. Васнецов, С. Иванов, А. Архипов, Н. Касаткин, А. Рябушкин, М. Нестеров, С. Малютин и многие другие.

многих заставила отступить на первом же этапе. Говорят, что в «освобождении» здания от многочисленных арендаторов помог кто-то «очень сверху». В это легко верится, потому что через три месяца после «осады» Глазуновым баженовского особняка здесь уже читались лекции, а так, согласитесь, ничему иному, как вмешательству «сверхъестественной» силы, приписать невозможно. Тут любым легендам возникнуть нечего. Кстати, мне рассказывали, что именно здесь А. Д. Сахаров создал водородную бомбу и что в подвалах до сих пор стоят внушительного размера железки, наличие которых никому из нынешних обитателей энтузиазма не прибавляет. К тому же уже сейчас величественной, несмотря на молодость, библиотеке места явно не хватает.

Будет тут и музей, от пополнения которого личным вкладом Глазунов, конечно, не откажется. Задумал Илья Сергеевич все на широкую ногу, без нашей обычной художничности. Добился крупных субсидий в валюте, и доведенная до нуля жемчужина московской архитектуры на два года передается в руки итальянцев, чтобы явиться нам в той благородной красоте, которую придал ей великий русский зодчий.

Почему итальянцы? Рассудили так, что Баженов сам учился в Италии. А если вспомнить, сколько построено в России сыновьями этой земли, то «сродство душ» тут обнаруживается не в пример легче, чем с кем бы то ни было.

В ПРОЧЕМ, сегодня уже как-то и не помнится тот развал, из которого вызволяла здание тринадцатая реставрационная мастерская, принявшая на себя всю первоначальную восстановительную работу, что, как сказал ректор Глазунов, дало возможность и произойти тому главному, ради чего весь сыр-бор и был затеян.

19 октября 1989 года Российская акаде-